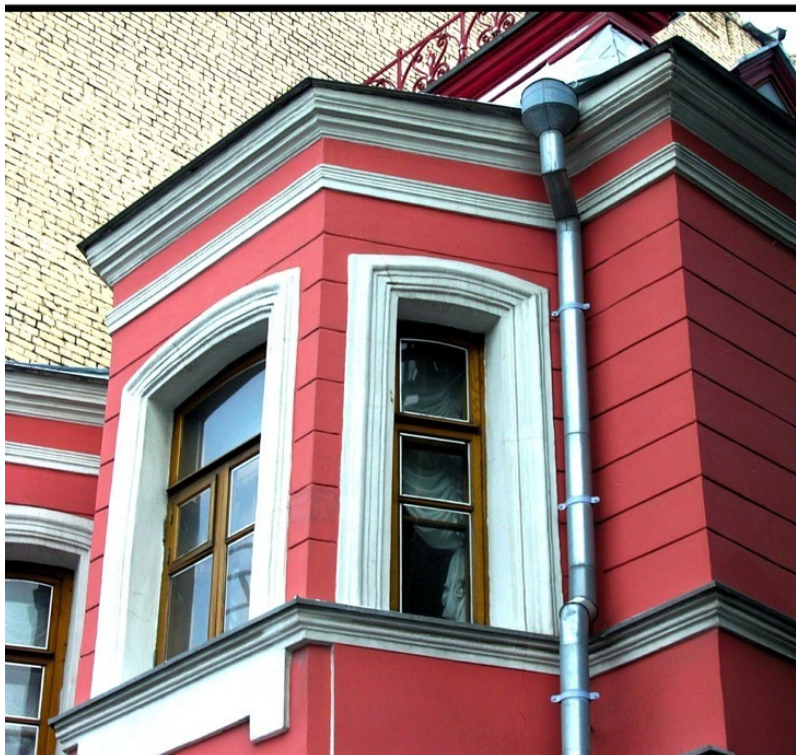

АЛЕКСЕЙ МИТРОФАНОВ

Со старшей сестрой по Москве

Алексей Митрофанов

Со старшей сестрой по Москве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32829521

ISBN 9785449077066

Аннотация

Ученик четвертого класса Илья Ушаков случайно оказывается со своей старшей сестрой Машей в самом центре Москвы. Прошлое родного города неожиданно захватывает его. А Маша только поощряет этот интерес – сама она студентка исторического факультета, и ей нравится новое увлечение младшего брата.

Содержание

Неожиданное откровение возле дома с пилястрами	5
Кот Матрос и напиток аршад	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Со старшей сестрой по Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-7706-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неожиданное откровение возле дома с пилястрами

Однажды ученик четвертого класса Илья Ушаков возвратился со своей старшей сестрой Машей из гостей. Они были в гостях у тети, которая живет в самом центре Москвы, на улице со смешным названием Ленивка. Будто бы все, кто живет на этой улице, все время ленятся и ничего больше не делают. Только лежат на диванах, играют в игровые приставки и лизжут мороженое. Илья про себя так и называл эту родственницу – тетя Ленивка. Вслух он так говорить не решался – боялся, что родители рассердятся и перестанут обращать на него внимание. И Маша тоже перестанет. Они всегда так делают, когда сердятся. Не отругают, не отшлепают, не лишат сладкого, как других школьников, а просто так себя ведут, будто Илья – пустое место. Обидно – ужас как. Лучше бы, наверное, отшлепали.

А впрочем, и не нужно было называть тетю Ленивкой. Впервые, у нее и так было смешное имя – тетя Женя. У них в школе Женей звали мальчиков, а тут вдруг тетя. Да и ленивой тетя Женя не была – все время куда-то ездила на своем джипе и с кем-то разговаривала по блестящему и явно дороговущему смартфону. Илья знал, что у тети – бизнес. Именно благодаря бизнесу она смогла купить огромную квартиру

на Ленивке.

Квартира Илье нравилась, а сама улица – не очень. И другие улицы рядом с Ленивкой – тоже. Дома там были маленькие, разноцветные, с какими-то дурацкими завитушками. То ли дело в Бескудникове, где жил Илья с родителями и Машей. Дома высокие, посмотришь снизу – голова закружится. Посмотришь сверху, из окошка – видишь маленьких смешных людишек, а над ними голуби летают. А ты выше всех. И завитушек на домах никаких нет, и цвет у всех одинаковый – красный, нарядный. Как флаги с лошадыю и всадником, которые по праздникам вывешивают. Илья прекрасно знал, что эта лошадь – герб Москвы. И гордился, что живет в доме того же цвета – как настоящий москвич.

– Машка, смотри, – сказал Илья, когда они с сестрой подошли к станции метро «Кропоткинская». – Вот что это за дом дурацкий? Всего три этажа, в подъезде нет железной двери с домофоном, никаких магазинов на первом этаже, цвет не яркий какой-то, зато между окнами доски прилеплены. Для чего эти доски?

Маша в этих делах разбиралась неплохо. Она училась в институте, на историческом факультете. Увлекалась и архитектурой, и историей Москвы.

– Это не доски, – улыбнулась Маша, – а пилястры. Что-то наподобие колонн, они поддерживают дом, чтоб тот не рухнул.

Илья окончательно возмутился:

– Три этажа, и пилястры нужны, чтоб не рухнул? Да у нас дом – двадцать два этажа, и стоит без пилястров дурацких.

– Так ведь наш дом построен в двадцать первом веке, – ответила Маша. – А этот в восемнадцатом. Тогда еще не научись строить высокие дома и без таких подпорок.

– Что они все дураки что ли были в восемнадцатом веке? – не понял Илья. – И когда это было вообще – восемнадцатый век?

– Нет, глупыми они, конечно, не были. Просто многие вещи тогда еще не изобрели. Вот ты сам помнишь, что еще недавно интернет в мобильнике был медленный. А сейчас быстрый. Просто тогда, несколько лет тому назад, еще не умели делать в мобильнике быстрый интернет. Только недавно научились. А еще раньше и мобильных не было. И интернета не было. И компьютеров не было. И метро не было. И самолетов не было. И машин не было. И высоких домов не было.

– А что тогда было?

– А было тогда все по-другому, – сказала Маша и мечтательно задумалась. Маша испытывала совершенно непонятную любовь к тому времени, когда ничего хорошего не было. Собственно из-за этой любви она и поступила на исторический факультет. Маша часто говорила слово «прошлое». В этом машинном «прошлом» существовали какие-то странные вещи – честь, нежность, романтика, изящество, жертвенность. Илья часто слышал от Маши такие слова, видел,

с каким удовольствием сестра произносила их, и привык думать, что в том прошлом все было гораздо лучше, чем сейчас. Только дома были хуже и ниже. И вдруг выяснилось, что в этом прошлом вообще ничего интересного не было.

– То есть, как? – не понял Илья. – Ни в игру поиграть, ни музыку послушать, ни в гости съездить, ни письмо послать по почте? Может, и гимназий не было?

– Нет, все было, только по-другому. В игры играли без компьютера, музыку слушали без электричества, письма писали на бумаге от руки, в гости ездили в извозчичьих каретах, в которые запрягали лошадей. А вот гимназии с тех пор почти не изменились. И первая московская гимназия, можно сказать, самая главная, располагалась как раз в этом доме с пилястрами. Она первое время была единственная на весь город.

Илья еще больше растерялся. Какие-то извозчичьи кареты, письма от руки. А главное – вот этот бледный дом, в который со всей Москвы съезжаются в загадочных извозчичьих каретах школьники и гимназисты из Бескудникова и других районов. Как рано утром все здешние улицы и переулочки заполняют мальчики и девочки с разноцветными рюкзаками. Как они пихаются, пытаются протиснуться в маленький трехэтажный дом. Но все равно там всем не хватит места. И большинство уедет на извозчичьих каретах по домам, так и не побывав в гимназии. Родители попросят показать дневник с отметками – а там ничего нет. Они поймут, что

их ребенок прогулял гимназию, страшно рассердятся и перестанут его замечать. А ведь он не виноват!

Илья даже затрясся от такой несправедливости. И рассказал все Маше.

– Не расстраивайся, – успокоила его сестра. – Во-первых, Москва была тогда гораздо меньше. Во-вторых, не так уж много родителей стремилось отдавать своих детей в гимназию. Богатые нанимали им домашних учителей. А бедным ни к чему было учиться – они работали дворниками, сапожниками, продавцами – им достаточно было всего лишь научиться считать. А уж писать – не обязательно. А в гимназии преподавали философию, словесность, грамматику, риторику, политическую экономию, историю, правоведение, математику, физику. С такими знаниями – только в университет. Кстати, обучались в той гимназии всего четыре года!

– Вот везучие! – позавидовал Илья. – всего четыре года – и в университет. То есть мне всего год еще отучиться и я бы студентом был?

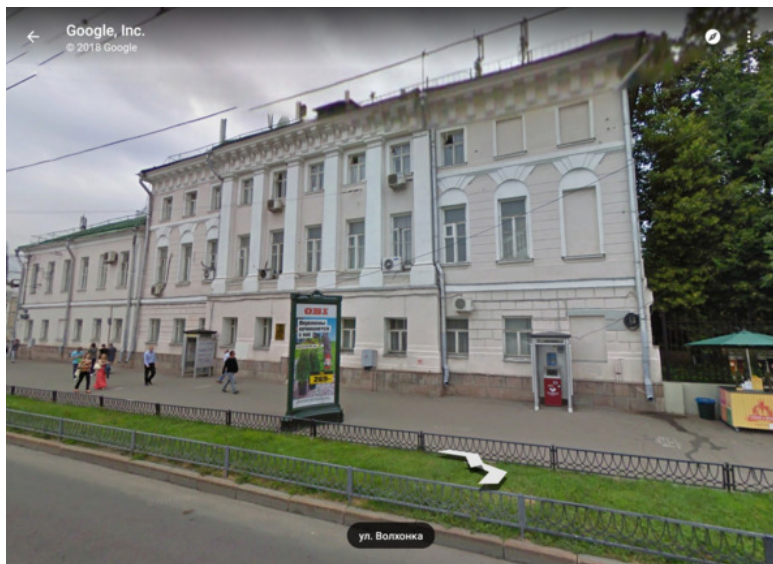
– Нет, – улыбнулась Маша. – В гимназию поступали уже взрослые, двенадцатилетние мальчики. Да и не так уж сладко приходилось там. А за невыученные уроки и плохое поведение оставляли после уроков, лишали обеда или сажали в карцер.

– Куда?

– В такую комнату пустую и холодную. С крысами.

После этого Илья, конечно, перестал завидовать тем гим-

нацистам. А еще он понял вдруг, что прошлое Москвы не сводится только к отсутствию высоких домов и скоростного интернета или, наоборот, к романтике и изяществу. Что все там гораздо сложнее. И гораздо интереснее.

Первая московская гимназия

• • •

Улица Волхонка, 18. Здание было построено в конце XVIII века, а в 1831 году перестроено для Первой московской казенной гимназии.

«Новый путеводитель по Москве» 1833 года сообщал: «В гимназии... воспитанники разделяются на 2 отделения: на благородное и на разночинцев; пансионеры благородного отделения платят 450 рублей в год... Разночинцы платят менее благородных, именно 250 рублей в год, имея от гимназии и платье».

В Первой казенной гимназии было зарегламентировано очень многое. В частности, существовало специальное руководство, содержавшее самые разнообразные рекомендации. К примеру, такую: «Стараться более учителя должны об образовании и изоцирении разума учеников, нежели о пополнении и упражнении памяти; для изучения наизусть определяются токмо символ веры, молитва Господня, десять заповедей Божьих, молитвы прежде и после обеда, молитвы на сон грядущий и от сна восставших. Начинать при учении всегда следует с легкого и идти потом к трудному; спрашивать учеников не всегда сряду, однако же лучших всегда наперед, потом посредственных и наконец слабых. Ученики должны отвечать не „да“ или „нет“, но полною речью; лучшие, если они отвечают исправно своими словами, нежели теми, какие находятся в книге».

Тем более странными казались отдельные события, которые явно не укладывались в общий характер этого учреждения. В частности, именно здесь была впервые представлена публике картина Александра Иванова «Явление Христа народу». Это одно из самых «трудоемких» произведе-

ний изобразительного искусства – автор работал над ним двадцать лет.

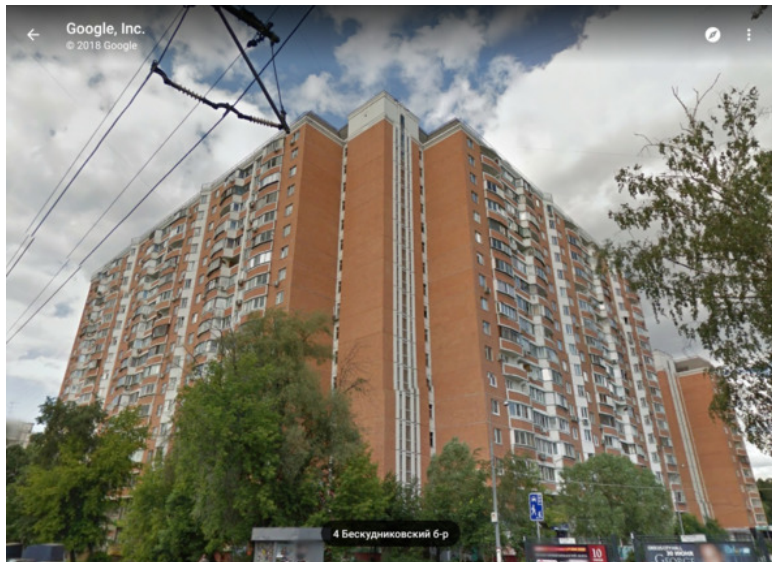
Кот Матрос и напиток аршад

Всю дорогу до дома (сначала на метро, с пересадкой до «Петровско-Разумовской», а там еще и на маршрутке) Илья был тихим и задумчивым. Молча зашел в квартиру, вымыл руки, переоделся в домашний костюм. К нему подошел большой рыжий кот Матрос, однако же Илья лишь почесал его рассеянно между ушами. Более обстоятельных ласок и игр кот от своего хозяина на этот раз не добился, фыркнул и ушел на свое любимое место – в раковину. Такой уж был в семействе Ушаковых кот – любил свернуться калачиком в раковине, под зеркалом и полочкой с зубными щетками и прочими полезными вещами.

Задумчивым был Илья и когда сели пить чай. Мама испекла его любимый домашний торт тирамису, к тому же на столе стояла вазочка с трюфелями и большое блюдо с вафлями, печеньем и другими сладостями – правда, купленными в магазине, но все равно очень даже соблазнительными.

Но не манили эти сладости Илью. Он сидел и молча прихлебывал уже остывший чай. Мама, конечно же, насторожилась – вдруг сын болен, и надо вызывать врача, потом бежать в аптеку за лекарствами, отменять школьные занятия, словом вносить в размеренную жизнь непредвиденные и малоприятные изменения? Но Маша незаметно подмигнула маме, и мама более-менее успокоилась. Потому что Маша пре-

красно понимала, что именно происходит с ее младшим братом. А именно: в сердце его зарождается большое чувство – сначала интереса, а затем, возможно, и любви к истории родного города. Ведь когда-то то же самое произошло и с самой Машей. И примерно в том возрасте, в котором сейчас пребывает Илья.

Дом Маши и Ильи в Бескудниковском переулке

В конце концов Илья отломил ложечкой кусочек торта и спросил:

– А как в Москве раньше делали тирамису? Тоже как-ни-

будь не по нормальному, а совсем по другому?

– Все еще страшнее, – сразу же заговорила Маша на свою излюбленную тему. Не было в старой Москве тирамису. Вообще не было.

– Я так и думал, – сказал Илья. – А что было? Ну, хотя бы из того, что на столе?

– Да практически все, кроме тирамису. Конфеты, печенье, пряники. Вафли, правда, считались изысканным деликатесом, стоили дорого и бывали далеко не в каждом доме.

– Вафли? Дорого? Да что же в них такого? – возмутился Илья, который вафли никогда особо не любил. Да и судя по цене, они все таки были сладостью второго, а может быть даже и третьего сорта.

– Как что? Тончайшие пластиночки из теста. У нас их вообще не сразу научились делать. Поначалу вафлями в Москве торговали исключительно французы – у них вафли давно уже существовали. Вот и получилось, что французы оказались монополистами и задирали за свой товар немислимые цены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.